

К. И. Поздняков

КОРРЕЛЯЦИЯ МАРКИРОВАННОСТИ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЙ У СИНКРЕТИЧНЫХ ЗНАКОВ

Имеющиеся данные по африканским языкам с развитыми системами именных классов позволяют сформулировать достаточно общее правило, касающееся так называемых синкретичных морфем, то есть морфем, обозначающих одновременно единицы двух и более грамматических категорий, например, именного класса (рода) и числа. Правило «работает» во многих языках с развитой морфологической техникой и легко может быть проиллюстрировано на материале русского языка. Это тем более интересно, если учесть, что в русском языке именные словоизменительные морфемы совмещают значения не только рода и числа, но и падежа. Так в словоформе *картиной* окончание *-ой* синкретично выражает женский род, единственное число и творительный падеж.

Рассмотрим кратко общеизвестные языковые факты. В качестве отправной точки возьмем падежную схему Р. Якобсона (без учета корреляции оформления), внося в нее небольшое изменение, для того чтобы разделить формы винительного падежа одушевленных и неодушевленных имен (см. схему 1).

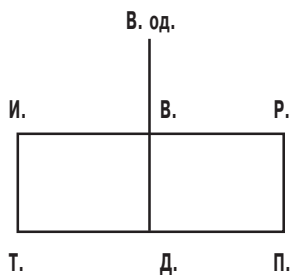

Схема 1

Опираясь на общеизвестную парадигму русского именного склонения, выделим все случаи нейтрализации падежных окончаний по роду:

Винительный одушевленный падеж (В. од.) — нейтрализуются только формы среднего (С.) и женского (Ж.) рода во множественном числе (мн. ч.): *чудовищ = картин*.

Именительный (И.) и винительный (В.) падежи — нейтрализуются только формы мужского (М.) и женского рода во мн. ч.: *столы = картины* (в формах мн. ч. М. и С., например в *дома* и *села* отмечены разные ударения).

Родительный падеж (Р.) — в ед. ч. нейтрализуется оппозиция М. = С. (*дома = полотенца*), а во мн. ч. — С. = Ж. (*полотенец = картин*), то есть нейтрализуется 2 оппозиции.

Творительный (Т.) и дательный (Д.) падежи — в ед. ч. нейтрализует оппозиция М. = С. (*днем = полотенцем*), а во мн. ч. — М. = С., С. = Ж., М. = Ж.: *домами = полотенцами = картинами*, то есть нейтрализуется 4 оппозиции.

Предложный падеж (П.) — нейтрализуются все оппозиции по роду как в ед. ч., так и во мн. ч.: *доме = полотенце = картине; домах = полотенцах = картинах*, то есть нейтрализуется 6 оппозиций.

Таким образом, в П. нейтрализуется 6 оппозиций, в Т. и Д. — по 4, в Р. — 2, в И., В. и В. од. — по 1.

Глядя на конфигурацию классической схемы Р. Якобсона, нетрудно заметить, что нижние и правые точки схемы характеризуются большим числом нейтрализаций, чем верхние и левые точки.

Прозрачно просматривается вполне определенная зависимость между числом нейтразуемых оппозиций по признаку рода и конфигурацией схемы оппозиций по признаку падежа. Но конфигурация якобсоновской падежной схемы никоим образом не связана с нейтрализациями, — схема построена по другому принципу. На ней в правой и нижней части оказываются маркированные члены привативных падежных оппозиций: Р. и П. являются маркированными членами оппозиций В. ~ Р. и Д. ~ П. по признаку объемности, Т., Д. и П. являются маркированными членами оппозиций И. ~ Т., В. ~ Д. и Р. ~ П. по признаку периферийности (схема 2).

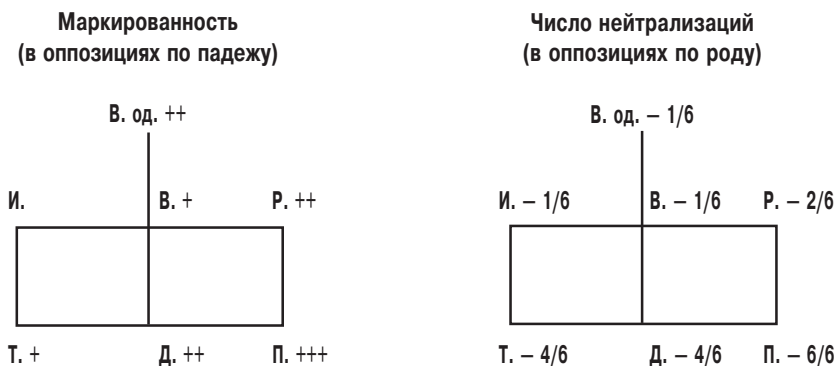

Схема 2

П. является маркированным членом наибольшего числа падежных оппозиций (П. — признаковый падеж в корреляции периферийности, объемности и определенности), и именно П. нейтрализуется в наибольшем числе оппозиций по признаку рода. Напротив, функции И. и В. в падежной парадигме наиболее ограничены — это, по существу, функции субъекта и объекта, функции «прямых» падежей, а следовательно, формы И. и В. можно наиболее эффективно и последовательно использовать для различения рода.

Таким образом, оказывается, что оппозиции так называемых синкретичных морфем по падежу, с одной стороны, и по роду, с другой, не являются независимыми: маркированность в оппозиции в рамках одной категории прямо связана с нейтрализуемостью оппозиции в рамках другой категории.

Многочисленные факты такого рода, выявляемые в типологически и генетически разных языках, позволяют связать три внешне несопоставимых признака грамматической морфемы — синкретичность, маркированность, нейтрализуемость — в рамках одного простого и вполне осмысленного правила: если знак (в нашем случае морфема) одновременно входит в две или более парадигмы, то есть является синкретичным знаком, то между этими парадигмами устанавливаются определенные отношения: наиболее «активная» словоизменительная форма в одной парадигме (маркированная в наибольшем числе оппозиций) является наименее активной в другой парадигме (нейтрализуемой в наибольшем числе оппозиций). В приведенном примере наиболее «падежные» словоизменительные формы (формы П.) являются наименее «родовыми». Это правило можно выразить графически (см. схему 3).

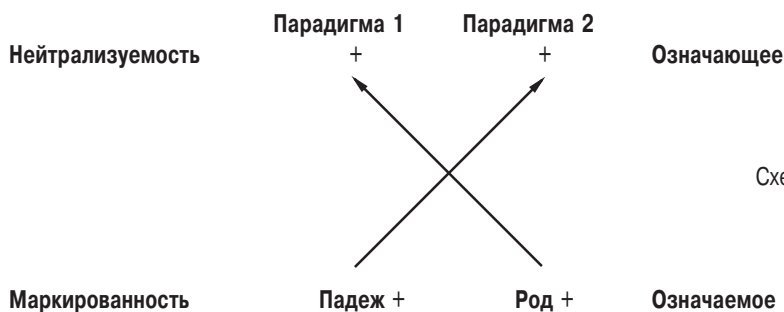

Схема 3

Можно сформулировать это правило иначе: «активность» морфемы в плане означаемого (маркированность в парадигматических оппозициях) предполагает ее «пассивность» (меньшую различительную силу) в плане означающего (нейтрализуемость в рамках другой грамматической категории). Чем важнее знак для одной категории, тем меньше он «работает» на другую.

Важно подчеркнуть, что обсуждаемая закономерность касается не только означаемых знака (в этом случае наблюдалась бы зависимость между маркированностью в одной категории и отсутствием маркированности в другой) — она определяет взаимозависимость означаемого и означающего: **«важность» означаемого в одной категории (признаковость в падежной парадигме) снижает роль означающего в другой категории (неразличение окончаний, то есть нейтрализация оппозиций по роду).**

Итак, правило устанавливает взаимозависимость, причем вполне определенную и понятную, означающего и означаемого, маркированного и немаркированного, нейтрализуемого и различаемого, категории падежа и категории рода в синкретичных именных словоизменительных морфемах.

Если сформулированная закономерность характеризует синкретичные формы рода, числа и падежа в целом, то она должна работать и в обратную сторону: наиболее «нагруженные», признаковые морфемы в оппозиции по роду должны иметь наименьшую различительную силу в оппозициях по падежу, то есть участвовать в наибольшем количестве нейтрализаций. Нетрудно убедиться в том, что это действительно так. В оппозициях по признаку рода маркированным членом оппозиции являются формы Ж., а формы М. не являются признаковыми. Следовательно, количество нейтрализаций по падежу в формах Ж. должно быть выше, чем в формах М. Проверяем высказанное предположение. В формах М. нейтрализуется оппозиция И. = В. (*стол*), а если учитывать В. од., то и В. = Р. (*брата*). В формах Ж. нейтрализуются обе эти оппозиции (*картины; сестер*), а также оппозиция Д. = П. (*картине*), сохраняющая различительную силу в М. К тому же в мягком склонении нейтрализуется и оппозиция Р. = П. (*тетради*).

Чтобы убедиться в том, что дополнительное распределение маркированных и нейтрализуемых членов оппозиций синкретичных знаков характеризует систему русского именного словоизменения в целом, рассмотрим еще одно соотношение — соотношение категорий числа и рода. В системе современного русского языка маркированными являются в основном формы множественного, а не единственного числа. Следовательно, в соответствии со сформулированным правилом, именно в формах множественного числа должно быть нейтрализовано большинство оппозиций по признаку рода. Но ведь это именно то правило, которому нас учат в школе. Во всех школьных учебниках прямо сказано, что «род во множественном числе не выражается», что справедливо для всех падежных форм, кроме Р. мн. ч.

Итак, в признаковых формах мн. ч. нейтрализуются оппозиции по роду в И. а также в В.: *дома = полотенца, столы = картины* (по 2 оппозиции в каждом из двух прямых падежей), в Р.: *полотенец = картин* (1 оппозиция), в Т.: *столами = полотенцами = картинами* (3 оппозиции), в Д.: *столам = полотенцам = картинам* (3 оппозиции), в П.: *сто-*

лах = полотенцах = картинах (3 оппозиции). Итого, нейтрализуется 14 оппозиций по роду.

В немаркированных формах, то есть в ед. ч., нейтрализуется оппозиция М. и С. в Р. (*стола* = *полотенца*), в Т. (*столом* = *селом*), в Д. (*столу* = *селу*) и оппозиции М. = С., М. = Ж., С. = Ж. в П. (*столе* = *селе* = *картине*), — итого, 5 нейтрализаций при 14-ти нейтрализациях в маркированных формах.

В языках с развитыми системами именных классов (в некоторых нигеро-конголезских и, в частности, атлантических языках имеется более двадцати именных классов, за каждым из которых закреплена особая модель согласования) количество классов множественного числа в подавляющем большинстве случаев меньше количества классов единственного числа. Сформулированное выше правило позволяет объяснить эту универсальную характеристику языков с классами. В большинстве оппозиций формы множественного числа являются маркированными в оппозициях по числу. Соответственно, они в большей степени нейтрализуются, чем формы единственного числа, в оппозициях по классифицирующим признакам именного класса, что и проявляется в ограниченности инвентаря классных морфем множественного числа.

Думаю, что такого рода лингвистические правила вполне могут быть востребованы этнографами. Наиболее очевидная параллель, которая здесь напрашивается, — это организация систем терминов родства. Во-первых, терминология родства, в отличие от систем родства, представляет собой чисто знаковую структуру, причем вербальную знаковую структуру. Во-вторых, системы терминов родства являются по-видимому наиболее парадигматически организованными системами, изучаемыми этнологами. В-третьих, каждый термин родства «синкретичен»: он связан как минимум с тремя разноплановыми означаемыми, входя в три различные парадигмы, которые соответствуют трем осям левистроссовской элементарной структуры родства (отношения кровного родства, отношения свойства и отношения порождения).

Так называемое «неразличение» некоторых «десигнатов» терминов родства (например, русск. *дядя* — для обозначения как брата отца, так и брата матери) перспективно рассматривать в плане нейтрализации оппозиций в системе родства. Не исключено, что не только в языке, но и в системе оппозиций, регламентирующих систему родства, маркированность, — активная роль в рамках одной парадигмы (в нашем примере маркированность означаемого «дядя» в оппозиции «отец ~ брат отца») способствует ослаблению дистинктивной роли означаемого в рамках другой парадигмы, что проявляется в нейтрализации оппозиции по другому признаку (в нашем примере нейтрализации десигнатов «брат отца» ~ «брат матери», обозначаемых «синкретичным» термином *дядя*). Не исключено, что наблюдаемые практически в каждой культуре расхождения системы родства, с одной стороны, и системы терминов род-

ства — с другой, определяются, в частности, тем, что невербальные коды (например, «система установок» у К. Леви-Стросса), используются в качестве контекста различения оппозиций (сильная позиция), а вербальный код (терминология родства, «система наименований» у К. Леви-Стросса) — в качестве контекста нейтрализации (слабая позиция), или наоборот.

Мне кажется, что именно в этой плоскости перспективно искать ответы на предельно конкретно поставленный К. Леви-Стросом вопрос о возможности «сформулировать на общем языке лингвистические проблемы и проблемы культуры» (Леви-Строс 1983: 67).

Литература

Леви-Стросс 1983: *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983.